

Из истории «Северного вестника» Комментарий к комментарию

© 2021, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: История литературных объединений, в том числе и история любого журнала, является в первую очередь историей отношений людей друг с другом. В этой истории личные симпатии и антипатии играют самую существенную роль. В достаточно короткой истории журнала «Северный вестник» издательницы Л.Я. Гуревич (1891–1898) этот закон личных симпатий и антипатий проявляет себя весьма выразительно. В статье предлагаются существенные дополнения комментариев к опубликованным текстам по истории журнала. А.Л. Вольнский и Н.К. Михайловский проявили в своей полемике равную резкость и неделикатность, однако современники практически единодушно встали на сторону Михайловского как более старого и заслуженного писателя. Вольнский приобретает репутацию нечистоплотного человека, вследствие чего вокруг его имени начинают собираться сплетни. В истории с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус Вольнский продемонстрировал недопустимую нескромность и использование чужого материала, граничащие с плагиатом. Но самое главное — изобразил в сюжетной части книги о Леонардо да Винчи свои личные отношения с Мережковским и Гиппиус и свою трактовку отношений между ними. Кроме этого, он изгнал Мережковского из журнала «Северный вестник», что закрыло перед Мережковским возможность опубликовать его роман о Леонардо да Винчи.

Ключевые слова: журнал «Северный вестник», литературный быт, А.Л. Вольнский, Л.Я. Гуревич, Н.К. Михайловский, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

Для цитирования: *Строганов М.В.* Из истории «Северного вестника». Комментарий к комментарию // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 261–277. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-261-277>

В недавней статье Н.А. Богомолова и М.М. Павловой об истории журнала «Северный вестник» опубликованы написанные после 1917 г. мемуарные записки Л.Я. Гуревич [11], весьма ценные в фактологическом отношении. Но, как и всякие иные мемуарные источники, эти воспоминания требуют проверки и сопоставления с другими материалами. И поскольку в настоящее время в связи с подготовкой тома «Литературного наследства», посвященного истории журнала «Русское богатство»¹, мы располагаем таковыми, трудно избежать соблазна не поделиться ими с коллегами.

1

Важнейшим моментом в истории «Северного вестника» было идейное размежевание с теми кругами литературной общественности, лидером которых был Н.К. Михайловский. Поэтому в ситуации после 1917 г., когда Михайловский назывался однозначно народником и представителем «мелкобуржуазной» идеологии, Гуревич, сопоставляя Михайловского с Николаем II, придает его личности самые негативные коннотации:

«Большие вечные вопросы, вопросы философии, этики, поэзии мучили нас. А Михайловский говорил, что волнующие нас вопросы — “праздные вопросы”. Это возмущало не менее, чем в свое время, позже, пресловутые “бессмысленные мечтания” в устах Николая II. Позитивизм, утилитаризм, натурализм — это было уже ветхо и мертво» [11, с. 16]; «Волынский уже бросил вызов Михайловскому заметкою о нем в первом № журнала за этот год, — и бой начался» [11, с. 19].

Комментируя эти фрагменты, авторы статьи справедливо называют ее истоком статью Волынского «Талант и “искра Божия” — о романе Михайловского “Карьера Оладушкина”». К приводимым ими материалам следует сделать существенное дополнение. Критикуя Михайловского как устаревшее культурное явление, Волынский опрометчиво употребил выражение «новая мозговая линия», дав тем самым в руки своего оппонента прекрасный козырь. Михайловский восемь раз использовал это на самом деле неудачное выражение в своих подписанных и одной анонимной статье для дискредитации Волынского [16; 8; 9]. Волынский отвечал ему как минимум четыре раза при жизни Михайловского [11, с. 40], а один раз и после его

¹ Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н.К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903. В 2 кн. Кн. 1: 1890–1899 / сост. М.Г. Петрова, М.В. Строганов. (В печати.)

смерти². Так что обе стороны были в известной мере равны в своей нетерпимости к оппоненту.

Однако современники практически единодушно встали на сторону Михайловского [7, с. 10–11]. После опыта совместной работы с Волинским в журнале «Северный вестник» Глинский назвал его «злым, завистливым и трусливым» «маньяком»: «Если взять на себя неблагодарный труд проследить всю деятельность за последнее время г. Волинского, то убедишься, что вся его критико-философская деятельность вертится на оси зависти, где с одной стороны положена ненависть к г. Михайловскому, а с другой — к г. <Вл.> Соловьеву»³.

Д.С. Мережковский писал: «Едва ли не самый низменный и уродливый из человеческих пороков — неблагодарность. К сожалению надо сознаться, что этот порок свойственен русским современным публицистам.

Увы! мы имели еще недавно случай наблюдать классический образчик неблагодарности в отношении одного молодого и смелого рецензента (имени его я не буду называть) к Н.К. Михайловскому. Когда переступается известный предел полемической злобы, люди всех партий, всех направлений соединяются в чувстве нравственного возмущения. Видя, как молодой человек, случайный пришлец, поднимает руку на человека, постаревшего в литературе, на деятеля безукоризненного, вся жизнь которого отмечена печатью высшего рыцарского благородства, все испытали это непреодолимое чувство нравственного возмущения»⁴.

Наконец, мнение из противоположного лагеря, из самого «Русского богатства», мнение А.Г. Горнфельда: «Отношение мое к его направлению, к этой борьбе с шестидесятью годами, которую вел здесь фактический редактор журнала, было двойственное. <...> Волинский во многом был хоть и не оригинален, однако прав. Но он вел так бестактно, он с такой грубостью нападал на людей, к деятельности которых я относился с глубоким уважением, — таковы были не только Белинский, но Салтыков и Михайловский, — что самая правота его казалась неприятной. Он был свой, он был боец своего лагеря, однако компрометирующий “святое дело”»⁵.

---

² *Волинский А.Л.* Ответ «Русскому богатству» // Волинский А. Книга великого гнева: Критические статьи. Заметки. Poleмика. СПб.: Труд, 1904. С. 523–524.

³ *Глинский Б.Б.* Болезнь или реклама? // Исторический вестник. 1896. № 2. С. 654.

⁴ *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1893. С. 73.

⁵ *Горнфельд А.Г.* Тридцать лет назад // Памяти Акима Львовича Волинского. Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. С. 35.

2

Может быть, только одна издательница «Северного вестника» Любовь Гуревич оставалась верна Волынскому в этой литературной перепалке. И тут завязывается второй важный в истории «Северного вестника» узел, в котором ее имя сплелось с именами фактического редактора журнала Акима Волынского и сотрудницы журнала Зинаиды Гиппиус. Гуревич была настолько фанатично влюблена в Волынского, что и после расставания с ним считала его всегда и во всем правым, о чем свидетельствуют ее мемуары. Гиппиус играла в любовь, но иногда заигрывалась так, что начинала и сама верить в достоверность своей игры, о чем свидетельствуют ее письма к Волынскому [13; 5, с. 51–60]. Отношения эти порождали слухи в среде современников.

16 февраля 1896 г. В.Г. Короленко писал Е.С. Короленко из Петербурга:

В нашем литерат<урном> мирке — эпизод из скандальной хроники. В «Сев<ерном> вестнике» напечатаны в феврале воспоминания Огаревой-Тучковой, и в них разоблачены любовные истории Шелгуновой. Шелгунова теперь жива, ее сыновья все это читают, вообще гадость необыкновенная. Один из этих сыновей явился в редакцию и спросил Флексера. Вышла m-lle Гуревич и сказала, что его нет, а она может ответить за него. Тогда Шелгунов плюнул ей в лицо! Конечно, напечатана гадость ужасная, но и этой бедняге Гуревич досталось в чужом пиру похмелье, — ее положение ужасно: у нее от Волынского двое детей, а этот негодяй, говорят, уехал за границу с женой Мережковского, декадентской писательницей Гиппиус, которая недавно в разговоре с интервьюэром одной петерб<ургской> газеты заявила, что она — не женщина и стоит выше своего пола. Этот кружок вообще — это положительный сумасшедший дом. Теперь представь себе положение этой бедняги Гуревич, оплеванной в буквальном смысле, с двумя детьми и разоренным журналом на руках. «Сев<ерный> в<естни>к», говорят, совсем не идет, а долгов куча. Вот каков гусь оказался этот проповедник философского идеализма в применении к фактам реальной действительности. И представь, что это по наружности — плюгавейший субъект. О женщины! — сказал, как известно, Шекспир⁶.

⁶ РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 3. Ед. хр. 47. Л. 10–11.

Вообще Короленко сплетником не был, и более того — он известен как человек незапятнанной репутации. Об истории с пощечиной, которую сын Шелгуновой нанес Гуревич, сохранилось много свидетельств, и о ней существует уже специальная литература [10]⁷.

Но сообщение Короленко в данном письме, что «у нее <Гуревич> от Волынского двое детей», — очень похоже на сплетню, потому что не подтверждается никакими фактами. Вместе с тем, поскольку известно, что у А.Л. Флексера от брака с Темой Угер были сын, который умер в младенчестве, и дочь Мэри (в замужестве Зеликина, 1887–1953) [11, с. 14]⁸, можно предположить, что до Короленко докатились слухи именно о законных детях, действительно оставленных Флексером в период его «увлечения» то Гуревич, то Гиппиус.

В этом же письме Короленко сообщает о некотором путешествии Гиппиус и Волынского. Речь идет о путешествии четы Мережковских и Волынского по Италии и Франции в феврале–апреле 1896 г., во время которого роман Гиппиус с Волынским, начатый в 1895 г., развивался полным ходом. И к этой поездке мы еще вернемся.

Но в 1897 г. между Гиппиус и Волынским произошел разрыв, и задним числом Гиппиус преувеличивает свою идиосинкразию по отношению к «языку» и манерам Волынского. Что же ее и Мережковского так возмутило, что прервало все отношения между ними на всю оставшуюся жизнь? (Единственное письмо Гиппиус к Волынскому от 12 августа 1916 г. в ответ на его предложение печататься в редактируемых им «Биржевых ведомостях» не может быть признано фактом общения: это был отказ в мягкой форме.)

Известный свет на причину этого проливает письмо А.Г. Горнфельда к П.П. Перцову от 21 января 1898 г.: «Об истории Вол<ынского> с Мережк<овским> ничего не знаю, кроме указания на факт. Говорят, украл, больше ничего. Но зато слышал от знающих людей, что его статьи о Леонардо — нахальство и скандал»⁹.

«Статьи о Леонардо» — это беллетризованная в первой части книга Волынского «В поисках за Леонардо да Винчи», которую он напечатал в «Северном вестнике» в сентябре–декабре 1897 г.¹⁰ В этой

⁷ См. также комментарий М.М. Павловой к публикации «Милых воспоминаний» Л.Я. Гуревич в настоящем номере «Литературного факта».

⁸ См. также комментарий М.М. Павловой к публикации «Милых воспоминаний» Л.Я. Гуревич в настоящем номере «Литературного факта».

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 22. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 7 об. — 8 об.

¹⁰ В дальнейшем Волынский продолжил печатание своей книги, но уже без этого беллетризованного элемента: Волынский А. Леонардо да Винчи, его жизнь и научно-философские труды. Статья первая // Северный вестник. 1898. № 1; Статья

книге очень много рассуждений о творчестве Леонардо да Винчи, и их следовало бы сопоставить как с суждениями предшественников и современников Волинского, так и (в первую очередь) с тем, что писал о да Винчи Мережковский. Но это была бы иная работа и с иной целью. Мы в дальнейшем рассмотрим беллетризованную часть повествования, которая имеет особый интерес для нашего комментария, а сейчас только процитируем заключающие книгу Волинского слова: «Леонардо да Винчи невольно внушил своим почитателям любовь к бесплодной роскоши, заразил их своею аристократическою изысканностью, своим горделивым отчуждением от простых восприимчивых людей»¹¹. Заимствовав материал Мережковского или, во всяком случае, познакомившись с собранным им материалом, Волинский создал иную, конечно, концепцию, опровергающую Мережковского. Плагиатом это не назовешь. Но оценка Горнфельда «нахальство и скандал» как нельзя более точно определяет литературное поведение Волинского: узнав от коллеги его замысел и его материалы, он быстренько слепил свою концепцию, перехватив пальму первенства.

Все это и объясняет резкий перелом в отношениях Гиппиус к Волинскому. Последнее ее «любовное» письмо написано в сентябре 1897 г. [13, с. 333–334]. Правда, Мережковский еще 6 июля сообщал П.П. Перцову: «Знаете ли, что с Флексером мы совсем не видимся. Он надоел З.Н. своей риторикой и ложью, а мне уже давно опостылел» [14, с. 164].

А 2 октября 1897 г. появляется совершенно новое отношение и новое письмо Гиппиус, в котором она пишет о себе в третьем лице, избавляя себя, таким образом, от необходимости как-либо обращаться к адресату: «Зинаида Николаевна Мережковская-Гиппиус желала бы знать, когда она сможет получить свои портреты и письма, взамен возвращенных? Может быть, следует обратиться к посреднику? Вопросительным знаком было выражено желание узнать время напечатания стихов — ввиду скорого выхода книжки» [13, с. 334].

Совершив один неблагоприятный поступок, Флексер уже с большой легкостью совершил и другой. 6 ноября 1897 г. Мережковский писал П.П. Перцову: «Кстати, Флексер... не предупредив, исключил мое имя и З.Н. <Гиппиус> из списка сотрудников... это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леонардо да Винчи.

вторая // Северный вестник. 1898. № 2; Статья третья // Северный вестник. 1898. № 3; Статья четвертая // Северный вестник. 1898. № 4; Статья пятая // Северный вестник. 1898. № 5. Спустя два года труд вышел отдельным изданием: [3].

¹¹ Северный вестник. 1898. № 5. С. 187.

Смердяковская у него сущность» [14, с. 172]. Как видим, это в более мягкой форме говорит о том же, что резко и прямо сформулировал Горнфельд. Однако публично Мережковский никогда не выступал против Волынского. В марте 1898 г. В. Буренин напечатал в «Новом времени» (1898. № 8275, 12 (24) марта. С. 2) письмо за подписью Доброжелатель, в котором Волынский открыто был обвинен в плагиате. Комментируя это письмо и считая его автором самого Мережковского, Буренин посоветовал ему прямо заявить об этом. Но Мережковский не написал ни анонимного, ни подписанного обвинения, он писал роман. Да он и понимал, что в прямом смысле плагиатом это не назовешь, ведь его собственный роман еще не был напечатан, а частью не был еще и написан.

Но П.П. Перцов (с учетом того, что писал ему Мережковский) был совершенно точен, когда сообщал В.В. Розанову 3 декабря 1897 г., что редакторство Волынского «приобретено не литературными правами, а посторонними обстоятельствами». <...> Разрыв его с Мережковскими, т. е. характер этого разрыва с *его* стороны (вычеркивание их из состава сотрудников без их ведома — после стольких лет дружбы!), меня *не* удивил. В нем нет нравственного чутья вообще... И вообще “Северный вестник” диаметрально противоположен “Русскому богатству”: насколько у этих гг. либералов все подчинено принципу, настолько здесь во всем проявляются личные счета-расчеты “хозяина”» [12, с. 405].

3

Теперь нам придется вернуться к самой книге Волынского о Леонардо.

Эта поездка Мережковских и Волынского была связана с задуманным Мережковским романом «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи», который он планировал опубликовать в «Северном вестнике». Вполне естественно, что Мережковский делился со своими спутниками замыслами. Гиппиус вспоминала:

Д.С., когда был занят предварительной работой, имел обыкновение рассказывать о ней мне очень подробно (и красноречиво). А так как Флексер был с нами, то слушал все это и он. И однажды Д.С. сказал: «Вы бы, А.Л., занялись своей какой-нибудь темой, вот, например, Макиавелли». Он как бы согласился, и стал ездить на прогулку с толстым томом Макиавелли в руках. <...> Ранее разрыва нашего, должно быть в 1895 году, в конце (точно не помню), я наконец совсем, и резко, отказалась печататься в «Северном вестнике» из-за

отвращения к уродливым статьям Флексера. Может быть, это было глупо, но его язык оскорблял мое эстетическое чувство. Тут был первый шаг к разрыву [6, с. 202, 204].

Рассказчик «в поисках за Леонардо да Винчи» (очень характерный для Волынского оборот, не хуже, чем «новая мозговая линия») совершает путешествие по Европе, и ему рекомендуют познакомиться с одним специалистом по живописи эпохи Ренессанса. Знакомство происходит, и специалист, названный «старым энтузиастом», говорит автору: «Вы знаете, я несколько лет изучаю Леонардо да Винчи и могу сказать — объехал всю Европу в поисках за Леонардо да Винчи. Я обыскал все углы, все музеи, знакомился с специалистами, пил кианти с простыми крестьянами в том самом домике в Анкиано, где родился Леонардо да Винчи — у подножия Альбанских гор... И вот что я скажу вам: Леонардо да Винчи — почти миф, легенда, завлекательный образ, за который хватаются люди современной эпохи, еще неспособные к великому умственному перерождению. <...> Нельзя найти Леонардо да Винчи ни в одном из его творений. Есть великая легенда могущественного художника — почти одна легенда и ничего другого, потому что неотразимая, неоспоримая красота в искусстве всегда держится на этой тончайшей черточке, на этой благоуханной сердечности. Она должна быть в произведении, потому что она должна быть в художнике, какие бы диалектические бури ни клокотали в его душе. Но Леонардо да Винчи, этот великий инженер, архитектор, математик, скульптор и живописец и даже музыкант — не показал именно этой тончайшей черточки, может быть, потому, что ему нужно было употребить весь свой огромный гений, чтобы навеки скрыть от людей мрачные, болезненные тайны своей души, которые были болезнью целой эпохи»¹². Потом «старый энтузиаст» рассказывает об «одном юноше, тонко чувствительном к природе, немножко болезненном», о том, как «они шли вместе несколько часов подряд, и старик иногда брал в свои руки его худенькие пальцы и растирал их, потому что они мертвели в холодной атмосфере этих гор, воспитавших хищный гений Леонардо да Винчи. Они познакомились в одной из флорентийских церквей, где старик в сотый раз изучал фрески Джиготто. Юноша сразу вошел в душу старика, как голубь в теплое гнездо. Уже три года, как они не виделись, потому что юноша, восприняв горячие лучи его энтузиазма, увлекся и поехал изучать искусство по большим и малым городам Европы. Они

¹² *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. набросок первый // Северный вестник. 1897. № 9. С. 185.

изредка переписываются. Старик направляет его путь, посылая ему от времени до времени советы и трудные задачи. Но пришел момент, когда свидание между ними кажется уже сердечною необходимостью. Они не могут жить в разлуке, и каждый вечер, когда по равнине проносится свисток приближающегося поезда, он с бьющимся сердцем отправляется на станцию. Вот-вот он придет, он — возрожденная мечта его юности, его самая пылкая, живая любовь, как и его любовь к искусству.

— Как бы я хотел, чтобы он приехал именно сегодня, — сказал старик. — Вы увидели бы мою красоту — теплую, нежную, чистую»¹³.

На этом заканчивается часть, опубликованная в сентябрьском номере. В октябрьском номере «юноша, которого ожидал старый энтузиаст, действительно приехал. В суеде вокзала и по пути в гостиницу, при темноте вечера, я не разглядел его физиономии. Какой-то худенький мальчик в дорожной вязаной шапочке, из-под которой ниспадали длинные волосы, шел рядом с стариком неспешною, неуверенною, чуть слышною походкою. Кроме двух-трех незначительных слов, он ничего не сказал. Старик вел его под руку и, казалось, ожидал минуты, когда они останутся наедине. Я пробовал отставать от них, но старик любезно протестовал, говоря, что я их не стесняю, что через короткое время мы все трое будем как одна душа»¹⁴. «Эти два человека волновали меня так, как никогда еще не волновала меня чужая жизнь. Все забылось, впечатления долгого и разнообразного путешествия с интересными встречами, беседами и занятиями в лучших художественных галереях Европы стали расплываться, уступая место новым ощущениям. Я знал, что в это самое время за моею стеною совершается нечто важное, раскрывается многозначительная драма, хотя не имел при этом никаких доказательств, никаких данных для правильной догадки. Душа моя волновалась, замирала в тревожной тишине, наполнялась чуть слышными отражениями далеких, чужих бурь и страстей. Старик и юноша овладели всем моим сознанием. Мне было жутко за них, за этих людей, которые вели за стеною величественную беседу об искусстве, наверное, перемешанную с печальными признаниями бессильного человеческого сердца»¹⁵. Рассказчик засыпает, посреди ночи он просыпается. «Я приподнимаю голову и опять вслушиваюсь: теперь для меня

¹³ Там же. С. 194–195.

¹⁴ *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. набросок второй // Северный вестник. 1897. № 10. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 194.

несомненно, что, в самом деле, кто-то плачет. За моею стеною, там, где я оставил старого энтузиаста с белокурым мальчиком, слышны тяжелые, медленные шаги и тонкий нервный плач»¹⁶. На следующий день внешне отношения «старого энтузиаста» и «юноши» выглядят спокойными, но то и дело прорываются тревожные ноты, омрачающие их отношения.

В ноябрьском номере рассказчик отдельно от «старого энтузиаста» и «юноши» съездил в Париж, чтобы посмотреть «Джоконду». По возвращении он заводит разговор о ней, и рассуждения «старого энтузиаста» вызывают интерес «юноши». Впрочем, «в это время по коридору раздались тяжелые шаги и стук в дверь. Юноша насторожился и, когда в полуоткрытой двери показался почтальон, он быстро пошел ему навстречу, взял письмо в длинном узком конверте, вернулся к окну и, распечатав, торопливо пробежал его глазами. Лицо его изменилось, губы слегка побледнели. Старик с испугом в глазах посмотрел на юношу, который напрасно старался подавить свое волнение. На минуту в комнате воцарилась тишина...»¹⁷ Потом уточняется, что это было «женское письмо в кокетливом конверте»¹⁸. В итоге рассказчик понимает: «Я видел внутреннее страдание старика и понимал, что белокурый юноша — его горячая любовь — отнят от него, отнесен от берега несильною, но предательскою волною современного прилива. Трудно было сказать что-нибудь в утешение старика. Задумчивое горе его представлялось мне столь же величественным, как и недавние его светлые надежды. Пусть свершится воля судьбы. Старый энтузиаст, вдохнувший жизнь вечных интересов в хрупкое немощное создание, должен найти в себе силы оплакать горе, с обычным вдохновением измерить свое разочарование и духовное лишение»¹⁹.

В декабрьском номере «сюжетная» часть отступает перед «интеллектуальной», но в самом конце «старый энтузиаст» сообщает рассказчику письмом, что «юноша» полюбил одну даму, которой поклялся умереть в день ее смерти, а поскольку дама смертельно больна, то и «юноша» скоро погибнет.

Как видим, «в поисках за Леонардо да Винчи» участвуют три героя. И в них трудно не узнать реальных путешественников 1896 г.: «старого энтузиаста» (Мережковского), «юношу» (Гиппиус, которая,

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ *Вольнский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. набросок третий // Северный вестник. 1897. № 11. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 236.

¹⁹ Там же. С. 254.

как известно, любила носить мужскую одежду) и самого Волынско-го, истинного ценителя искусства и журналиста, как выяснится к концу повествования: «Среди обычных журнальных занятий, перебиваемых мутными волнами газетных полемических передраг»²⁰. Правда, сам Флексер был самым старшим в этой компании: в 1896 г. ему было 35 лет, Мережковскому был 31 год, а Гиппиус 27 лет, — но Волынскому было удобнее иначе распределить возрасты персонажей, что отражало суть их взаимных отношений: «старый муж» (законный муж по определению старый), молодая жена (потому что красивая) и неизбежный Алеко.

В предисловии к отдельному изданию книги о Леонардо Во-лынский писал о «старом энтузиасте» так, как будто этот персонаж не имел прототипа, но это едва ли могло обмануть читателя: «Одно-му из этих трех лиц, которого я назвал Старым Энтузиастом, я хотел дать черты неутомимого искателя религиозной красоты в искусстве — новой красоты в духе нового богочеловеческого идеала. Если у не-художника могут быть минуты каких-нибудь художественных и поэтических подъемов, то именно в образе этого старика без определенных черт какой бы то ни было национальности, но проник-нутого религией человеческого сердца, которая по существу своему всемирна, всечеловечна, — я пытался передать лучшие настроения, возникшие на пути моих критических исследований. Какую бы объ-ективную цену ни имели бы мои исследования, я, во всяком случае, сознаю, что истинная суть книги, то, чем я сам больше всего дорожу, заключается в лекторских излияниях моего Старого Энтузиаста» [3, с. XII]²¹.

В 1920-е гг. Волынский примет имя Старого Энтузиаста на себя и подпишет им мемуарно-критические очерки о Гуревич и Гиппиус в составе цикла «Русские женщины» [4, с. 253, 264]. Но это будет уже совсем иной Старый Энтузиаст, совсем не похожий на «старого энтузиаста» из «В поисках за Леонардо да Винчи». В том же мемуар-ном цикле Волынский рассказывает о встречах с Лу Андреас-Саломе в 1897 г.: «Я прожил целое лето у нее в гостях на даче в баварских Альпах, дал ей сюжеты для некоторых работ по русской литературе и у нее же на даче набросал первые эскизные штрихи моего “Ле-онардо да Винчи”. Фигура Старого Энтузиаста представлена там

²⁰ *Волынский А.* В поисках за Леонардо да Винчи. Набросок четвертый // Северный вестник. 1897. № 12. С. 238.

²¹ В ряде случаев это издание, в выходных данных которого год не обозначен, датируется 1899 г. на основании даты цензурного разрешения иллюстративного материала на обороте титульного листа. Но предисловие автора подписано апрелем 1900 г., что и определяет выбор года издания.

в обстановке гостеприимной виллы, где я жил. Там же я познакомился с Райнером Мария Рильке, впоследствии столь прославившимся в новой немецкой литературе поэтом. С уточненного облика этого человека в стиле Пинтуриккио я и списал своего Юношу, опекаемого Старым Энтузиастом» [4, с. 273]. Сама Андреас-Саломе достаточно критично вспоминала Волынского: «...захаживал приехавший из Петербурга один русский (правда, недоброй памяти), который давал мне уроки русского языка» [2, с. 105]. Таким образом, здесь Старый Энтузиаст — это «старый муж» Фридрих Карл Андреас, но «юноша» — это не изменившая Земфира, а соперник, «цыган», Рильке. Главное — остается неизменным все тот же любовный треугольник, эта лучшая формула для любого сюжетного повествования. Но в 1900 г. в предисловии к отдельному изданию книги о Леонардо Волынский еще совершенно не предполагал толковать треугольник биографическим образом, все эти биографические применения даются задним числом, хотя эта традиция была очень устойчивой в литературной среде, и летом 1896 г. именно так была прочитана повесть Гиппиус «Златоцвет» [15]. К.М. Азадовский, а вслед за ним и Е.Д. Толстая трактуют «юношу» как Рильке, а его возлюбленную, отвлекшую его от прямых понятий о жизни, как Лу Андреас-Саломе; в таком раскладе «старый энтузиаст» — это на самом деле сам Волынский [1, с. 20; 17, гл. 5]. Но мы повторим еще раз: все подобные толкования делаются всегда задним числом и делаются для того, чтобы отвести глаза от главного. При наличии желания любую женскую фигуру можно истолковать как Земфиру, и любые двое мужчин около нее всегда сойдут за Алеко («старого мужа») и «молодого цыгана». Весной 1896 г. «старым энтузиастом» был Мережковский, «юношей» — Гиппиус, но Волынский отказался от роли «молодого цыгана» и бежал в Россию.

В 1900 г. в предисловии к отдельному изданию книги о Леонардо Волынский изобразил всю подготовительную работу и поездку в Италию не как реализацию плана Мережковского, а как собственную инициативу:

Чтобы понять такого человека, как Леонардо да Винчи, нужно видеть собственными глазами Италию — и не из окна вагона с быстрыми переездами из одного прославленного города в другой, а медленно пробираясь по всем тем местам, которые должны были действовать на его душу красками своей природы, характером своих горизонтов. Надо знать Тоскану — Флоренцию с ее окрестностями, Винчи, Анкиано, надо знать Ломбардию, надо изъездить

на лошадях дикую Романью и Умбрию, чтобы ощутить атмосферу, которой дышал этот итальянский гений. Может казаться издалека, что эти затруднительные путешествия не только по столичным, но и по захолустным итальянским городам не являются делом необходимости при изучении давно прошедшей эпохи. А между тем нельзя с достаточной силой определить всю важность этих непосредственных впечатлений от страны, которая, при всех своих исторических превращениях, неизменно сохраняет свой географический и национальный колорит. Изучаешь одновременно местную природу и душу художника, в их таинственных взаимодействиях, и получаешь какие-то безмолвные указания и намеки, дающие ключ к разгадке запутаннейших психологических и художественных задач. Уже расставаясь, может быть, навсегда с этой многолетней работой, я вспоминаю как о пережитом счастье эти мои скитания по Италии в поисках за Леонардо да Винчи. Там, как бы в невидимом присутствии одного из величайших чародеев искусства, рождались непередаваемые экстазы, которые здесь, при исполнении работы, отражались на бумаге уже побледневшими словами, но все еще питали живыми соками мою посильную логическую работу [3, с. VIII–IX].

Так Волынский «украл» у Мережковского тему (Леонардо как одно из первых воплощений темы богочеловека) и включил в той или иной форме в свою книгу многие реальные беседы с Мережковским. 5 сентября 1897 г., уже прочитав первый очерк Волынского, Мережковский писал П.П. Перцову: «...А Флексер пишет в С<еверном> В<естнике>» — «В поисках за Л<еонардо> да Винчи» — не упоминая, что это поиски по следам Д. Мережковского» [14, с. 168].

Уже одно это лишало Мережковского возможности напечатать его роман о Леонардо в «Северном вестнике», но Волынский к тому же исключил его из числа постоянных сотрудников. В итоге Мережковский опубликовал свой роман в журнале «Мир Божий» в 1900 г. Все это и заключено в словах Горнфельда «нахальство и скандал».

Но Волынский еще и рассказал всему свету, как Мережковский писал свой роман о Леонардо, как он собирал материал, какие отношения у него в это время были с «юношей» и истинным ценителем искусства. Историко-литературный комментарий к роману появился раньше, чем сам роман. И в этом комментарии рассказчик, отдавая должное познаниям и пониманию проблемы, которые проявлял «старый энтузиаст», вместе с тем все время подчеркивает, что этот «старый энтузиаст» высоко ценил точку зрения рассказчика, считая его единомышленником, и что его мнения совпадали с мнениями

«старого энтузиаста», а вовсе не зависели от них. Получилось то, что и предчувствовал Мережковский: «Флексер тоже пишет о Леонардо да Винчи — он от меня ни на шаг. И ведь будет наивно (— тоже *sancta simplicitas*) убежден, что это не я его, а он меня заинтересовал Леонардо» [14, с. 166].

Так и получилось. Но Волынский не только себя убеждал в своей оригинальности и самостоятельности, но и других пытался убедить в этом.

История любого журнала как литературного объединения является в первую очередь историей отношений людей друг с другом, в которой личные симпатии и антипатии играют самую существенную роль. В достаточно короткой истории журнала «Северный вестник» издательницы Л.Я. Гуревич этот закон личных симпатий и антипатий проявляет себя весьма выразительно. А.Л. Волынский и Н.К. Михайловский проявили в своей полемике равную резкость и неделикатность, однако современники практически единодушно встали на сторону Михайловского как более старого и заслуженного писателя. Волынский приобретает репутацию нечистоплотного человека, вследствие чего вокруг его имени начинают собираться сплетни. В истории с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус Волынский продемонстрировал недопустимую нескромность в использовании чужого материала, граничащую с плагиатом. Но самое главное — изобразил в сюжетной части книги о Леонардо да Винчи свои личные отношения с Мережковским и Гиппиус и свою трактовку отношений между ними. Кроме этого, изгнав Мережковского из журнала «Северный вестник», он лишил Мережковского возможности опубликовать его роман о Леонардо да Винчи.

Литература

1. *Азадовский К.М.* Рильке и Россия: Статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 432 с.
2. *Андреас-Саломе Лу.* Прожитое и пережитое. Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 447 с.
3. *Волынский А.Л.* Леонардо да Винчи. [СПб.]: Изд. А.Ф. Маркса, [1900]. XVI, 706 с.
4. *Волынский А.Л.* Русские женщины / публ. А.Л. Евстигнеевой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. 1995. Вып. 17. С. 209–292.
5. *Гиппиус Зинаида.* Дневники: в 2 кн. / общ. ред., вступ. ст. и сост. А.Н. Николоюкина. М.: Интелвак, 1999. Кн. 1: [1893–1917 гг.] 733 с.
6. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Тбилиси: Мерани, 1991. Книга. 2: Воспоминания / [сост., предисл. и коммент. Е.Я. Курганова]. 383 с.

7. *Гречишкин С.С.* Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 3–28.

8. *Куприяновский П.В.* Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы: К 80-летию Н.Ф. Бельчикова. М.: Наука, 1971. С. 234–244.

9. *Куприяновский П.В.* Из литературно-журнальной полемики 90-х годов // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Калуга, 1971. Сб. 3. С. 3–15.

10. *Павлова М.* «Этот пресловутый плевок в лицо...»: Из истории журнала Северный вестник // *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz* / ed. by Catherine Ciepela and Lazar Fleishman. Stanford, 2014. P. 117–137. (Stanford Slavic Studies. Vol. 45)

11. *Павлова М.М., Богомолов Н.А.* Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60>

12. *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 491 с.

13. Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому / публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб.: Atheneum, 1993. Вып. 12. С. 274–341.

14. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / публ. М.Ю. Кореновой // *Русская литература*. 1991. № 2. С. 156–181.

15. *Рыкунина Ю.А.* «Златоцвет» Зинаиды Гиппиус: материалы к комментарию // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2017. № 2. С. 122–140.

16. *Строганов М.В.* «Весёлыми ногами». Два эпизода из критических полемик Н.К. Михайловского // *Культура и текст*. 2020. № 4 (43). С. 103–125. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-4-103-125

17. *Толстая Е.Д.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2013. 632 с.

Research Article

From the History of the Journal “Severny Vestnik”. Commentary to the Commentary

© 2021, Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The history of literary associations, including the history of any journal, is primarily the history of people's relationships with each other. In such a history, personal likes and dislikes play the most essential role. This law of personal sympathies and antipathies manifests itself very expressively in a rather short history of the journal “Severny Vestnik”, published by L.Ya. Gurevich (1891–1898). The

article offers significant additions to comments to published texts on the history of the journal. A.L. Volynsky and N.K. Mikhailovsky showed equal harshness and indelicacy in their polemics, but their contemporaries almost unanimously sided with Mikhailovsky as an older and deserved writer. Volynsky acquired a reputation as an unscrupulous person and gossip begins to gather around his name. Volynsky demonstrated unacceptable immodesty towards D.S. Merezhkovsky and Z.N. Gippius and allowed himself to use of someone else's material, bordering on plagiarism. But most importantly, in the plot of the book about Leonardo da Vinci, he depicted his personal relationship with Merezhkovsky and Gippius and his interpretation of the relationship between them. In addition, he expelled Merezhkovsky from the journal "Severny Vestnik", which closed for him the opportunity to publish his novel about Leonardo da Vinci.

Keywords: "Severny Vestnik", literary life, A.L. Volynsky, L.Ya. Gurevich, N.K. Mikhaylovsky, D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7618-7436>. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

For citation: Stroganov, M.V. "From the History of the Journal "Severny Vestnik". Commentary to the Commentary." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 261–277. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-261-277>

References

1. Azadovskii, K. *Ril'ke i Rossiia. Stat'i i publikatsii* [*Rilke and Russia. Essays and Publications*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 432 p. (In Russ.)
2. Andreas-Salome, Lu. *Prozhitoe i perezhitoe. Vospominaniia o nekotorykh sobytiakh moei zhizni* [*Lived and Experienced. Memoirs about Certain Events of my Life*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2002. 447 p. (In Russ.)
3. Volynskii, A.L. *Leonardo da Vinchi* [*Leonardo da Vinci*]. St. Petersburg, Izdanie A.F. Marksa, 1899. XVI, 706 p. (In Russ.)
4. Volynskii, A.L. "Russkie zhenshchiny" ["Russian Woman"], publ. by A.L. Evstigneeva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [*The Past. Historical Almanac*], issue 17. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1995, pp. 209–292. (In Russ.)
5. Gippius, Zinaida. *Dnevnik: v 2 t.* [*Diaries: in 2 vols.*], vol. 1: 1893–1917, introd. and comp. by A.N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Publ., 1999. 733 p. (In Russ.)
6. Gippius, Z.N. *Zhivye litsa* [*Real faces*], vol. 2: Vospominaniia [Memoirs], comp., introd. and comm. by E.Ia. Kurganov. Tbilisi, Merani Publ., 1991. 383 p. (In Russ.)
7. Grechishkin, S.S. "Arkhiv L.Ia. Gurevich" ["L.Ya. Gurevich Papers"]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 1976*]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 3–29. (In Russ.)
8. Kupriianovskii, P.V. "Zhurnal 'Severnyi vestnik' i literaturnoe narodnichestvo" ["The journal "Severny Vestnik" and literary populism"]. *Stranitsy istorii russkoi literatury: K 80-letiiu N.F. Bel'chikova* [*Pages of Russian Literature's History: To the 80th Anniversary of N.F. Belchikov*]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 234–244. (In Russ.)

9. Kupriianovskii, P.V. Iz literaturno-zhurnal'noi polemiki 90-kh godov [From the literary and journal polemics of the 90s]. *Russkaia literatura XX veka. Dooktiabr'skii period* [20th Century Russian Literature. The Period until October], issue 3. Kaluga, 1971, pp. 3–15. (In Russ.)

10. Pavlova, M.M. “‘Etot preslovutyi plevok v litso...’: Iz istorii zhurnala ‘Severnyi vestnik’.” [“‘This Notorious Spit in the Face...’: From the History of the Journal ‘Severnyi Vestnik’.”]. Ciepla, Catherine, and Lazar Fleishman, editors. *New Studies in Modern Russian Literature and Culture: Essays in Honor of Stanley J. Rabinowitz*. Stanford, 2014, pp. 117–137. (In Russ.)

11. Pavlova, M.M., Bogomolov, N.A. “Iz vospominanii L.Ia. Gurevich o zhurnale ‘Severnyi vestnik’. Stat'ia pervaiia” [“From Lyubov Gurevich’s Memoirs About the Journal ‘Severnyi Vestnik’. Part One.”]. *Literaturnyi fakt*, 2021, no. 1 (19), pp. 8–60. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-8-60> (In Russ.)

12. Pertsov, P.P. *Literaturnye vospominaniia* [Literary Memoirs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 491 p. (In Russ.)

13. “Pis'ma Z.N. Gippius k A.L. Volynskomu” [“Z.N. Gippius’ Letters to A.L. Volynsky”], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minushee: Istoricheskii al'manakh* [The Past. Historical Almanac], issue 12. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., 1993, pp. 274–341. (In Russ.)

14. “Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertsovu” [“D.S. Merezhkovsky’ Letters to P.P. Pertsov”], publ. by M.Iu. Korenevaia. *Russkaia literatura* [Russian Literature], no. 2, 1991, pp. 156–181. (In Russ.)

15. Rykunina, Iu.A. “‘Zlatotsvet’ Zinaidy Gippius: materialy k kommentariiu” [“Zinaida Gippius’s ‘Zlatotsvet’. Materials for a Commentary”]. *Vestnik RGGU. Seriiia ‘Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*”, no. 2, 2017, pp. 122–140. (In Russ.)

16. Stroganov, M.V. “‘Veselymi nogami’. Dva epizoda iz kriticheskikh polemik N.K. Mikhailovskogo” [“‘Merry Feet’. Two Episodes from the Critical Polemics of N.K. Mikhailovsky”]. *Kul'tura i tekst*, no. 4 (43), 2020, pp. 103–125. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-4-103-125 (In Russ.)

17. Tolstaia, E.D. *Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo* [The Poor Knight: The Intellectual Journey of Akim Volynsky]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2013. 632 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.07.2021

Одобрена после рецензирования: 05.08.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.07.2021

Approved after reviewing: 05.08.2021

Date of publication: 25.09.2021